

ВОЕННАЯ ЭЛИТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ XVIII–XX ВЕКОВ

История Санкт-Петербурга неотделима от истории российской армии. Основанный Петром Великим «назло надменному соседу» город сразу стал и крепостью, и военно-морской базой, и, самое главное, центром создания новых регулярных вооруженных сил. При этом особое значение царь-реформатор придавал гвардейским полкам. «Гвардия, — отмечает историк Я. А. Гордин, — была той идеальной моделью, ориентируясь на которую, Петр мечтал создать свое идеальное государство... Петровский гвардеец понимал себя создателем нового и небывалого»¹. Действительно, в петровское время гвардейцы привлекались к решению самых разнообразных вопросов государственной жизни, иногда весьма далеких от собственно военной сферы. Гвардейцам даже поручали ревизию гражданских органов управления, причем иногда они получали право сажать нерадивых чиновников в тюрьмы и заковывать в кандалы. Кроме того, гвардия являлась школой подготовки командных кадров для армейских полков. В феврале 1714 года Петр I издал указ, согласно которому для производства в офицеры дворянин был обязан отслужить рядовым в гвардии.

Гвардия, таким образом, составила ядро российской военной элиты. В эпоху дворцовых переворотов она зачастую являлась решающей силой в борьбе за власть. Пользуясь положением, гвардейцы часто выступали «радетелями» за привилегии и интересы всего дворянского сословия, носителями идеологии которого безусловно являлись.

В XIX веке гвардейские полки постепенно утрачивают роль школы офицерства (она переходит к кадетским корпусам и другим военно-учебным заведениям), но неизменно сохраняют роль элитных воинских формирований и «полигона» для испытания новых «технологий» ведения войны. С 1813 года начался процесс разделения гвардии на «старую» и «молодую». «Старая гвардия» (Лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский, Конный, Кирасирский, Егерский, Гусарский, Казачий и Кавалергардский полки) получила ряд привилегий. В это время ее офицерский корпус почти полностью принадлежал к российской аристократии и представлял своего рода «сверхэлику» в русском обществе. Нужно заметить, что военная служба вообще считалась у дворянства более почетной и более соответствующей традициям, чем гражданская. В итоге уже во времена

Александра I гвардейцы воспринимались современниками как люди особые. В силу своего происхождения, родственных связей и самой принадлежности к прославленным полкам они играли в жизни столичного общества совершенно исключительную роль. Даже в начале XX века современник отмечал: «Положение простого гвардейского офицера в обществе и свете было исключительным... Порою министры и послы великих держав отдавали визиты молодым офицерам»².

Кроме гвардейских частей, в Петербурге были сосредоточены высшие органы руководства вооруженными силами. Лица, возглавлявшие их, также входили в военную элиту. Среди военно-учебных заведений, несомненно, носили элитарный характер учрежденный в 1802 году Пажеский корпус и Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Первое заведение просуществовало до 1917 года, а второе в 1859 году было преобразовано в Николаевское училище гвардейских юнкеров, которое в свою очередь послужило основой для создания Николаевского кавалерийского училища (1865). При этом училище имелся приговорительный пансион (позже Николаевский кадетский корпус), в который, в отличие от других общеобразовательных военно-учебных заведений (военных гимназий и затем кадетских корпусов), принимали не только детей офицеров, но и детей буржуазии, правда, за довольно высокую плату. К названным заведениям примыкал и Первый кадетский корпус. Хотя по своей организации он со второй половины XIX века не отличался от аналогичных заведений в провинции (Орловского, Псковского, Симбирского и других), но столичное положение и славная история (с 1732 года) привлекали в него детей высшего (в том числе гвардейского) офицерства. Особую часть военной элиты составляли также офицеры Генерального штаба, которых готовила созданная в 1832 году Императорская военная академия (с 1855 года — Николаевская академия Генерального штаба).

Военная элита, несомненно, была интереснейшим социокультурным феноменом, носителем вполне значимого элемента культуры Петербурга и России в целом. Она фактически «вросла» в государственный аппарат Российской империи, и влияние гвардейского офицерства или иных групп военной элиты на социокультурный фон оставалось очень значительным вплоть до крушения Российской империи в 1917 году.

¹ Гордин Я. А. Наследие Петра и судьбы наследников // В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 6.

² Шостаковский П. П. Путь к правде. Минск, 1960. С. 44–45.